

18+

Кира Лалори

Байки Тихолесья

Кира Лалори

Байки Тихолесья. Лето в Тихой

<https://litres.ru/74319208>

ISBN 9785007032322

Аннотация

Деревня Тихая кажется идеальным местом для отдыха: живописные просторы, печной дым и добродушные жители, готовые за чаем поделиться местными байками. Но стоит солнцу скрыться за верхушками елей, как эти истории превращаются в пугающую реальность. За этими лесами прячется нечто большее, чем просто старые деревья да грибные места.

Готовы ли вы узнать, что скрывают те, кто живет у самой кромки леса?

Андрей Тихомиров решает это выяснить, начав собирать легенды, которыми полнится округа.

Содержание

Байки Тихолесья	5
♥	5
Примечание	6
Старый Овин	10
Лесные Бесенята	17
Благодарность	21
Сгоревшая Мельница	28
Колесо	33
Чёрное Озеро	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Байки Тихолесья

Лето в Тихой

Кира Лалори

Иллюстратор Ms.Lulling

Дизайнер обложки Ms.Lullaby

© Кира Лалори, 2026

© Ms.Lulling, иллюстрации, 2026

© Ms.Lullaby, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3232-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Байки Тихолесья

Эти Байки — лишь малая часть всех тайн, скрытых в нашей деревне!

Подробные истории персонажей этого сборника ждут вас на страницах серии книг «Лето в Тихой».

Примечание

Помимо вымысла автора, любые совпадения с реальными людьми и событиями — не случайны...

Старый Овин

рассказывает Прохоров Семён Никанорович

Эх, Андрюха, за всю жизнь-то много чего необычного со мной приключалось, всего и не упомнишь так, конечно...

Ну давай посидим тут с тобой на крылечке-то, повспоминую...

Жил я тогда один ещё, в своей старой избе, на краю деревни, возле овина. Овин тот ещё мой отец строил — большой, с высокой крышей, где раньше сено сушили и зерно молотили. А потом он уже пустой стоял, только мыши да ветер в нём хозяйничали. Но, как оказалось, не только они.

Как-то вечером, уже после ужина, я сидел у окна, чай с малиной пил да радио слушал. Вдруг слышу: за окном, со стороны овина, будто кто-то по сухим листьям идёт. Шаги тяжёлые, размеренные, но не торопливые. Я подумал — может, лось забрёл или соседский пёс бродит. Вышел на крыльцо с фонарём. Светил вокруг — никого. Только листья шуршат, да ветер холодный по лицу бьёт. Вернулся в избу, дверь на засов задвинул и лёг спать.

А ночью проснулся оттого, что в сенях кто-то ходит. Не просто половицы скрипят, а именно шарохаётся кто-то — медленно, будто ощупью. Я лежу, дыхание затаил. Потом

слышу: дверь в горницу тихонько скрипнула, и в комнату вошёл... гость. В темноте я его не сразу разглядел, только силуэт увидел. Высокий, плечистый, в старом тулупе и шапке-ушанке, как наши мужики раньше носили. Лица не видно — тень на нём. Он остановился у порога, постоял немного и тихо так говорит:

— Семён... Пусти переночевать. Холодно на улице.

Голос у него был низкий, знакомый, но я никак не мог вспомнить, чей именно. Сердце у меня заколотилось, но я не из пугливых. Спрашиваю:

— А ты кто такой будешь? Из наших, из Тихой?

Он помолчал, потом отвечает:

— Из ваших, из ваших. Пусти, Семён. Я устал.

Я встал, зажёл керосинку. Свет упал на него — и я обомлел. Передо мной стоял сосед Витка Пантелеев. Только он же умер три года назад! Упал с трактора, когда пашню в дальнем поле поднимал, шею сломал. Похоронили его на нашем деревенском кладбище, за берёзовой рощей. А теперь он стоит в моей избе, в том же тулупе, в котором его хоронили, только теперь весь в земле измазанный.

Я говорю дрожащим голосом:

— Витя... Ты же мёртвый...

Он кивнул медленно, будто подтверждая, и отвечает:

— Мёртвый, Семён. Но не совсем. Там, за овином, место такое есть... переход. Иногда мы выходим. Особенно когда полнолуние и мороз крепчает. Пусти меня к печке погреть-

ся. Я замёрз там, в земле.

Я не знал, что делать. Страх меня сковал, но и жалость тоже. Сосед есть сосед, даже если мёртвый. Я кивнул ему на лавку у печки. Он сел, протянул руки к остывшим кирпичам и сидел так долго, молча. Потом начал рассказывать — тихо, будто сам с собой:

— Там, за овином, не просто лес. Там старое кладбище было ещё до нас, до революции. Мы его не знали, а оно нас помнит. Теперь, когда кто-то из наших умирает, он не сразу уходит. Сначала возле овина бродит, смотрит, как мы живём. А потом, в холодные ночи, может и в избу зайти. Если пустить.

Я слушал, а по спине мурашки бегали. Спрашиваю:

— И много вас таких?

Он усмехнулся криво, и в свете керосинки я увидел, что зубы у него землистые, а глаза — будто провалы.

— Достаточно. Мы не злые, Семён. Просто соскучились. По теплу, по голосу живому. Только вот беда: если кого из нас слишком долго в избе держать, он начинает... забывать, что мёртвый. И тогда хочет остаться насовсем. А для этого место живого нужно освободить.

Тут он посмотрел на меня долгим взглядом. Я почувствовал, как холод поднимается от пола к моим ногам. Встал быстро, говорю:

— Ну, погрелся — и хватит. Иди обратно, Витя. Там твоё место.

Он встал не сразу. Посмотрел на меня с грустью, потом тяжело вздохнул и пошёл к двери. Уже на пороге обернулся и сказал тихо:

— Спасибо, сосед. Только запомни: в следующее полнолуние я не один приду. И другие тоже захотят погреться. Не всем отказать сумеешь.

Дверь за ним закрылась. Я до утра не спал, сидел с ружьём на коленях. Утром вышел — а возле овина следы большие, мужские, от крыльца и обратно к лесу.

Овин тот старый я решил разобрать по брёвнам — чтобы не было места такого. Разобрал и сжёг.

Вот так у нас в Тихой бывает. Тихо. Но не всегда спокойно.

Лесные Бесенята

рассказывает Прохоров Семён Никанорович

Было это поздней осенью, когда листья уже все опали, а земля под ногами незаметно стала сырой и холодной. Я тогда ещё не такой запасливый был, пошёл в лес за дровами — топор за поясом, мешок за спиной. День короткий, солнце едва пробивалось сквозь тучи. Вошёл я в бор, и сразу почувал: не так всё как-то. Тишина стояла тяжёлая, гнетущая, будто лес дыхание затаил и ждёт чего-то, ну или кого-то.

Шёл я по знакомой тропке, рубил сушняк, и вдруг услышал... детский смех. Сначала тихий, далёкий, звонкий, как у ребятни, что в догонялки играет. Я остановился, прислушался. Смех был весёлый, да только холодный какой-то, словно в нём отчаяние проскальзывало. Он разносился между искривлёнными деревьями, обвивал стволы и заполнял собой воздух. Я подумал: может, деревенские ребятишки забрались дальше, чем матери позволили? Крикнул: «Эй, кто там? Ванюшка, ты, что ли?»

В ответ — только смех. И вот из-за кустов выскочил мальчонка. Маленький, лет восьми, в старенькой рубашонке, босой, волосы растрёпанные. Он бежал впереди меня по тропе, оглядываясь и звал звонко: «Дяденька! Дяденька Семён! Иди сюда! Мы играем! Скорее, не отставай!»

Я удивился: откуда он меня знает? Лицо знакомое вроде, но в полумраке не разглядеть толком. А вокруг, между деревьями, я заметил других детей. Они тихонько выглядывали из-за стволов — бледные мордашки, глазки блестели. Прятались и снова выглядывали. Смеялись. Тихо так, но этот смех уже не весёлый был — холодный, безумный. Один за деревом мелькнёт, другой за кустом, третий чуть дальше — и все бегут вперёд, зовут, хихикают.

Мальчонка впереди всё бежит и бежит, машет рукой: «Сюда, дяденька! Тут грибы огромные! Тут весело!» Я, старый дурак, пошёл за ним. Ноги сами несли, хотя в груди уже холодок поселился. Дети вокруг — то покажутся, то спрячутся, смех их всё ближе, всё громче, обвиняет меня, как туман. Я кричу: «Стойте, ребята! Куда вы меня ведёте?» А они только хохочут в ответ, и голоса их становятся тоньше, холоднее.

Шаг за шагом углублялись мы в лес. Деревья становились всё гуще, кривее, ветки сплетались над головой, как пальцы костлявые. Солнечный свет совсем пропал, чаща глухая началась — мох под ногами чавкает, корни выпирают, словно ловушки. И тут я опомнился. Огляделся — тропы знакомой уже нет, кругом одна глушь, куда даже охотники редко заходят. Сердце у меня так и ухнуло!

Я развернулся резко, да как побежал назад! Топор из-за пояса-то выхватил на всякий случай. А за спиной — смех уже не детский, а жуткий, ледяной, полный злобы. Дети

за мной кинулись: «Дяденька! Не уходи! Поиграй с нами!» Мальчонка впереди всех, ручки тянет, а глаза... глаза у него были пустые, Андрюха. Я бежал, не оглядываясь, ветки по лицу хлестали, ноги в корнях путались, и цепкие детские ручки хватали меня за одежду, но я бежал изо всех сил.

Выскочил на опушку уже в сумерках, весь в поту, дыхание сбитое. Оглянулся — лес молчит. Ни смеха, ни детей. Только ветер в ветвях посвистывает, да где-то далеко, очень далеко, еле слышно — тот самый детский хохот затихает в чаще.

Так что, если услышишь ты где-нибудь в бору детский смех — беги без оглядки. Не зови, не отвечай, а тем более следом не ходи.

Благодарность

рассказывает Архипов Лукьян Матвеевич

В ту ночь на Ивана Купалу полдеревни собралось у реки. Мне ещё тогда годков-то совсем немного было. Мы, ребятки, носились босиком по траве, а взрослые уже разводили большие костры прямо на берегу. Пламя поднималось высоко, трещало сухими ветками и освещало всё вокруг тёплым, живым светом.

Девчата деревенские, в светлых платьях, плели венки из полевых цветов — ромашек, васильков, папоротника и душистых трав. Они украшали их лентами и осторожно пускали по тёмной воде. Каждый венок нёс внутри зажжённую свечу, и вниз по течению реки плыли маленькие огоньки. Красиво было так, что дыхание перехватывало.

Мальчишки, кто посмелее, прыгали через костры — кто выше. Взрослые говорили, что это очищает от всего плохого и приносит здоровье на весь год. Я тоже прыгнул пару раз, хоть и боялся обжечься, а потом стоял и смотрел, как искры летят вверх, будто хотят догнать настоящие звёзды.

Вокруг пели песни — протяжные, старинные, про любовь и судьбу. Кто-то водил хороводы, кто-то гадал: если венок утонет — к беде, если уплывёт далеко — суженый ждёт, а если вернётся к берегу — ещё год в девушках ходить. Я мало

что понимал, но чувствовал: ночь особенная. Травы в эту пору, говорили, силу набирают, а где-то в лесу, по слухам, даже цветок папоротника расцветает, хоть никто его и не видел.

Внезапно меня отвлёк какой-то шорох у воды. Взрослые были заняты, и никто даже и не заметил, что я ушёл с поляны. А я тем временем уже подошёл ближе к самому краю реки, где камыши стояли стеной. Луна висела высоко, заливая реку серебром, и в этом свете я увидел: в запутанных у самого берега рыбацких сетях кто-то трепыхался.

Это был ребёнок. Маленький, да какой хорошенький, лет трёх-четырёх на вид, с мокрыми светлыми волосами, прилипшими к щекам. Глазёнки большие, испуганные. Я подумал — кто-то из деревенских малышей упал и запутался. Стал я его вытаскивать, пальцы мои дрожали от холода воды. Тяну сеть, а он тихонько поскуливает, как котёнок. Вытащил я его на траву, обнял, чтобы согреть, и тут заметил: вместо ножек-то у него — хвост. Толстенький, чешуйчатый, с плавником на конце, переливающийся серебром и зеленью в лунном свете.

Сердце у меня ёкнуло. Я хотел отпустить, но не мог — так жалко его было. А он смотрит на меня своими глазками и моргает не по-нашему, а поперёк, как ящерка: веки сходятся сбоку, быстро-быстро. Пальчики у него тоже с перепонками, тонкими, прозрачными, будто из водной плёнки. Вот и держу его на руках, а сам не знаю, что делать, — кричать? Бежать? А он прижался ко мне мокрым тельцем и дрожит.

И вдруг от реки раздался голос — звонкий, чистый, как серебряная монета: «Спасибо, что спас моё дитя».

Я поднял глаза. Недалеко от сетей, в воде показалась женщина, да такая красивая, что дыхание перехватило. Лицо бледное, словно выточенное из лунного камня, глаза огромные, цвета глубокой реки — тёмно-зелёные, с золотыми искрами, точь-в-точь как у малыша. Её длинные волосы, чёрные с серебряным отливом, плыли по воде, как живые водоросли, переплетённые жемчужинами и мелкими ракушками.

Она медленно подплыла ближе и протянула руки — тонкие, изящные, но с перепонками между пальцами, покрытыми той же зелёной чешуёй. Чешуйки эти блестели и переливались в лунном свете, будто живой изумруд. Я стоял как заворожённый. Аккуратно, дрожа всем телом, я отдал ей ребёнка. Она приняла его нежно, прижала к груди, и малыш сразу затих, уткнувшись лицом в её волосы.

Русалка посмотрела на меня ещё раз — взгляд был глубокий, благодарный и... немного жутковатый. Потом она улыбнулась — улыбка вышла мягкой, но зубы блеснули острыми краешками. И исчезла. Просто ушла под воду, без единого всплеска, будто растворилась в темноте. Только круги по воде разошлись.

Я стоял, не дыша. В сетях, где запутался русалёнок, теперь что-то поблёскивало. Я потянулся и вытащил нож. Длинный, острый, с лезвием из какого-то странного серебристого металла, которое светилось собственным холодным светом. Ру-

коятка была вырезана из цельного куска чёрного коралла, перевитого тонкими серебряными нитями, будто водорослями. На ней — маленькие жемчужины, вделанные так, что складывались в узор бегущих волн и плывущих рыбок. У основания — крошечный глаз из зелёного камня, точно такой же, как у русалки.

Мне, мальчишке, это показалось таким богатством неземным, что я чуть не заплакал от счастья. Сердце колотилось как бешеное. Я спрятал нож под рубаху и побежал назад к кострам, пока никто не заметил моего отсутствия.

Нож этот и по сей день всегда при мне. Я вырос, а он не потускнел и не затупился. А в ночь на Ивана Купалу если я рядом с рекой, то иногда слышу тот же звонкий голос: «Спасибо»... ну или мне это просто чудится.

Сгоревшая Мельница

рассказывает Прохоров Семён Никанорович

А вот ещё послушай...

Шёл я как-то вечером с кукурузного поля, усталый, спина ноет, мешок за плечами тяжёлый. Солнце уже за лес село, а туман с реки поднялся — густой, белый, как молоко. Иду по тропинке вдоль берега, ноги сами несут, и вдруг вижу: стоит на воде старая мельница. Та самая, что ещё при моих отцах стояла, а потом сгорела лет сорок назад. Ни брёвнышка от неё не осталось, одни головешки в траве валялись. А тут — целая, с крыльями, с большим колесом, только вся в тумане купается, будто из другого времени выплыла.

Остановился я, глаза протёр. Мельница как живая: крылья медленно крутятся, хоть ветра и нет.

Жажда меня замучила, горло пересохло от пыли кукурузной. Подошёл ближе. У мельницы большой деревянный ворот торчит, тяжёлый, с ручками.

Ну, я взялся покрепче и начал крутить. Сначала легко пошло, один оборот — стакан воды мне наплескался, выпил — сладкая, как в детстве из родника. Второй оборот — в термос, подумал, налью с собой. Третий... А на четвёртом почувствовал: руки тяжелеют, спина сильнее гнётся, в суставах

щёлкает. Смотрю — кожа на пальцах морщится, как старая кора. Пятый оборот — борода седая вылезла, глаза слезятся. Шестой — ноги подкашиваются, зубы во рту шатаются.

Я уже и остановиться не мог — руки сами крутят, будто приросли. Страшно стало, Андрюха, до жути. Кричать хотел — голоса нет, только хрип. Седьмой оборот — волосы все выпали, кожа на лице обвисла. Восьмой — начал рассыпаться: пальцы крошатся, как сухая глина, падают на доски. Девятый — вижу, как от меня куски отваливаются, пеплом на ветер летят.

И тут первый луч солнца пробился сквозь туман. Тонкий, золотой, как иголка. А следом за ним тишину прорезал звонкий, залиvistый крик петуха, возвещая о начале нового дня. И всё исчезло. Мельница растаяла в воздухе, будто её и не было. Ворот пропал, морок сгинул. А я стою на берегу, молодой опять, руки крепкие, борода чёрная как смоль. Только мешок с кукурузой у ног лежит, и в горле — вкус той воды.

С той поры, как только густой туман с реки поднимается по вечерам, я к воде близко не подхожу. Особенно если мельница вдруг покажется. Не вздумай, Андрюха, ворот крутить. Один оборот — и уже не вернёшься.

Вот так-то!

Колесо

рассказывает Прохоров Семён Никанорович

Помню я, как ещё мальчишкой сидел у бабушки на печке, а она мне эту историю рассказывала.

В ту пору в нашей деревне своего магазина и в помине ещё не было. Приходилось через всю деревню топать к тому, что у большой дороги стоял, аккурат там, где нынче автобусная остановка.

Идёт она, значит, обратно из магазина с сумками, и вдруг видит, что с пригорка катится колесо от телеги. Остановилась она — и оно замерло. Сделала шаг — оно потихоньку следом двинулось. Испугалась бабушка моя тогда не на шутку, припустила что есть духу домой и всё как есть деду моему выложила.

Дед вышел на улицу, посмотрел: а колесо стоит себе у самых ворот, но во двор не закатывается. Взял он тогда старый резиновый шланг, что давеча обрезал, когда на новый поменял, продел его сквозь колесо и понёс на поляну к большому дубу. Думал, детишкам потеху смастерить — чтоб катались на нём, как на качелях, да в хваталки играли. Подвесил колесо на самую толстую ветку, закрепил накрепко и домой вернулся.

А поутру, как пошёл дед за водой, глядь — на том самом дереве висит гробовщик местный, что на краю кладбища жил. Шланг у него через рот продет был и выходил из... в общем, до самого основания был продет. Вопросов тогда, конечно, было...

Только про гробовщика того давно по деревне слухи ходили, что он с нечистым дружбу водил. Потому и похоронили его по-быстрому, без лишних разговоров, и постарались забыть.

Вот пока ты меня сейчас не расспросил тут, я бы сам эту историю-то и не вспомнил.

Чёрное Озеро

рассказывает Прохоров Семён Никанорович

Мы с Фёдором тогда вдвоём по грибы пошли, да не по привычной тропе, а в сторону заброшенного выгона. Там раньше наши луга были. Трава высокая, мокрая от росы, хорошо, что я в галошах вообще пошёл. Иду, гляжу под ноги — лисички, подберёзовики. А потом поднял глаза — и понял, что забрели мы дальше, чем собирались, и каким-то образом вышли к старому покосу. Я шёл чуть впереди, а Фёдор — метрах в тридцати сзади, чтобы не мешать друг другу.

Сначала почуял я запах. Не грибной, не лесной, а тяжёлый, сладковато-гнилой. Воздух стал густым, липким. Ели вокруг почернели, будто кто-то сажет их обмазал. И тишина. Ни птицы, ни ветра. Только сердце моё стучит.

Я уже хотел повернуть назад, да ноги сами понесли дальше. Вышел я в итоге на небольшую прогалину — и увидел озеро.

Вода в нём не просто тёмная — она будто ночь в себя вобрала. Ни ряби, ни отражения. Даже туман над ним не белый клубился, а серо-чёрный, будто дым от сырых дров. Берега были усыпаны дохлой рыбой: окуни, щуки, плотва — все вверх брюхом лежали. А запах... бр-р-р, какой там был противный запах, Андрюха!

Стоял я, значит, и на воду эту смотрел. И вдруг мне показалось, что в глубине что-то шевельнулось. Не рыба. Что-то большое, и медленно так.

И тут вода начала подниматься.

Она поднималась ровной, тяжёлой, маслянистой стеной, будто вся поверхность озера медленно вставала вверх, выворачиваясь из берегов. Чёрная, густая, блестящая, как свежая смола. Туман над ней закручивался тугой воронкой, а в самой толще воды ворочались огромные, бесформенные тени.

Вода уже нависла надо мной, выше человеческого роста, холодная и невероятно тяжёлая. Она медленно наклонялась вперёд, готовая обрушиться всей своей массой. Холодные, густые брызги упали мне на лицо и шею, и в этот миг я ясно почувствовал, как внутри этой неподвижной массы что-то огромное и древнее медленно поворачивается в мою сторону.

Именно тогда, когда стена уже начала клониться и вот-вот должна была накрыть меня с головой, за спиной раздался резкий, громкий окрик:

— Семён! Ты куда пропал-то?!

Это был Фёдор. Голос его был встревоженным, будто он давно меня звал.

Я резко обернулся.

Всё исчезло. Озера не было.

Передо мной снова был старый покос: высокая трава, обычные ели, серое небо. Ни страшной воды, ни пузырей.

Только запах ещё чуть держался в ноздрах — сладковато-гнилой, но уже слабел. Фёдор стоял рядом, с корзиной в руках, и смотрел на меня с тревогой.

— Ты чего замер? — крикнул он. — Я тебя уже полчаса ищу. Кричу, кричу, а ты как в землю врос.

Я ничего не ответил и лишь спустя какое-то время смог всё внятно ему рассказать.

Когда мы шли обратно, я всё время оглядывался. Но позади была только обычная лесная глушь.

Дорогу на тот проклятый покос я для себя закрыл навсегда.

Если бы не Фёдор в тот момент... может, и не сидел бы я сейчас здесь на крылечке-то и не рассказывал тебе эту историю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.